

From Prof. Dr. Leo Meyer

№ 259

van Varsina

О СОБРАНИИ МАТЕРИАЛОВЪ ДЛѢ ПОЗНАНІЯ ЭСТОНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Записка пастора д-ра Гурта, представленная Академіи Наукъ въ засѣданіе Историко-Филологическаго Отдѣленія 15 ноября 1890 года.

Въ апрѣлѣ этого года я имѣлъ честь представить Императорской Академіи Наукъ краткую записку о моей колекціи эстонскихъ народныхъ преданій; она касалась только внѣшней, количественной стороны собраннаго мною матеріала; теперь-же я позволю себѣ присовокупить къ тому нѣкоторыя данныя касательно содержанія и научной цѣнности онаго.

1.

Народныя пѣсни—вмѣстѣ со всѣми вариантами—числомъ около 20.000 нумеровъ—обнимаютъ собою всю жизнь Эстовъ. Едва ли встрѣтится какое проявленіе народной жизни, для котораго не нашлось бы здѣсь выраженія въ формѣ своеобразной народной пѣсни. Сличеніе ихъ съ финскими рунами (runot) показываетъ, что многія изъ этихъ пѣсень принадлежатъ глубокой древности, и, по своимъ основнымъ чертамъ и характеру своему, должны быть отнесены къ той отдаленной эпохѣ, когда Эсты и Финны составляли еще одинъ народъ. Миѣческаго элемента въ пѣсняхъ этихъ не особенно много, однако его достаточно для освѣщенія существенныхъ моментовъ древне-эстонскаго язычества. Нѣкоторыя изъ историческихъ моментовъ, намеки на которые встрѣчаются въ пѣсняхъ, относятся ко времени, предшествовавшему появленію нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ; другіе относятся ко времени владычества Ливонскаго ордена; третьи, наконецъ, указываютъ на возникновеніе пѣсень въ новѣйшую историческую эпоху, эпоху русскаго господства, такъ какъ онѣ со-

редоточиваются иногда вокругъ имени отдѣльныхъ, опредѣленныхъ государей. Но всего болѣе такихъ пѣсенъ, которыя изображаютъ всеневную жизнь въ разнообразнѣйшихъ ея проявленіяхъ, въ радости и горѣ, развертывая передъ читателемъ цѣлую галерею образовъ, въ высшей степени мѣтко, пластично и живо изображающихъ народную жизнь, позволяющихъ проникнуть въ глубину человѣческаго сердца и сопровождающихъ эстонца отъ колыбели до самой могилы. Народъ списываетъ здѣсь самъ съ себя портретъ, притомъ съ такою точностью, откровенностью, подробностью и вѣрностью, съ какою не въ состояніи этого выполнить посторонній наблюдатель, художникъ или ученый. Въ историческомъ прошломъ и въ своеобразномъ характерѣ народа лежитъ объясненіе того обстоятельства, что нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ рѣзко выступаютъ и бросаются особенно въ глаза, благодаря своей своеобразности; такъ напр. пѣсни изъ временъ крѣпостной зависимости поражаютъ своею желчностью, пѣсни характера сатирическаго замѣчательны своею ѣдкостью. Въ отношеніи изящно-художественномъ, безспорно, самыя цѣнныя — пѣсни сиротскія и вообще элегическія; нѣкоторыя изъ нихъ — сущіе перлы народнаго творчества. По численности преобладаютъ брачныя (свадебныя) пѣсни, по разнообразію своему едва-ли уступающія пѣснямъ подобнаго рода любой другой народности. Новый Гомеръ могъ бы изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ сложить цѣлую брачную поэму или — *sit venia verbo* — цѣлый свадебный эпосъ. Совершенно новы по своему характеру поэматныя сѣтованія, записанныя мною въ значительномъ количествѣ среди Псковскихъ Эстовъ православнаго вѣроисповѣданія (такъ наз. *Setukezed*). Смотри по виду смерти, смотри по общественному положенію и званію, сѣтованія эти видоизмѣняются въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, и, насколько мнѣ извѣстно, еще до сихъ поръ не были записаны ни однимъ изслѣдователемъ.

2.

Сказки, сати и легенды — числомъ около 2900 — вводятъ насъ въ міръ фантастическій, въ духовную жизнь народа, знакомятъ

насъ съ мѣстными и религіозными преданіями; здѣсь найдутся нѣкоторыя интересныя легенды о сотвореніи, которыхъ никто до сихъ поръ не записалъ. Какъ вездѣ, такъ и тутъ, сказки содержатъ въ себѣ важныя указанія для миѳологіи. До сихъ поръ, по недостатку времени, я не могъ сравнить сказки моей колекціи съ сказками другихъ народовъ, особенно сосѣднихъ, такъ что пока я не въ состояннн съ точностью установить взаимное отношеніе между ними, въ разсужденіи оригинальности и заимствованій. Но, безъ сомнѣнія, колекція моя содержитъ богатый матеріаль, съ помощью котораго возможно будетъ озарить новымъ свѣтомъ вопросъ о взаимодѣйствіи сосѣднихъ народностей другъ на друга и объ удивительномъ явленіи міроваго странствованія сказокъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ возникли на исторической почвѣ и весьма своеобразно отражаютъ въ себѣ разныя современныя событія, культурныя состоянія и сословныя отношенія, причемъ въ нихъ въ значительной мѣрѣ господствуетъ также элементъ юмористическій и сатирический. Въ этихъ мотивахъ народъ выставляетъ и изображаетъ себя съ различныхъ новыхъ сторонъ.

3.

Пословицы — числомъ около 17.000 — представляютъ собою вѣрное отраженіе житейской мудрости народа; ихъ можно уподобить кодексу народныхъ понятій о нравственности, предназначающему и характеризующему своими основными принципами нравственную, супружескую и домашнюю жизнь народа. Многія изъ этихъ пословицъ можно смѣло сравнить съ наилучшими изъ мудрыхъ изрѣченій всѣхъ народовъ.

Загадки — числомъ около 19.000 — представляютъ образчики эстонскаго остроумія; остроты и шутки весьма мѣткі, но этотъ отдѣлъ моей колекціи содержитъ, можетъ быть, наименѣ цѣнный матеріаль, ибо многія изъ загадокъ покажутся современному культурному человѣку непонятными, иногда странными и слишкомъ своеобразными, но научному изслѣдователю и онѣ могутъ доставить во многихъ отношеніяхъ интересннй матеріаль.

4.

Матеріалы касательно *народныхъ вѣрованій* или *суевѣрій*, точно также касательно *нравовъ* и *обычаевъ народа*, хотя и представляють многое уже извѣстное, тѣмъ не менѣе, въ своей совокупности, заходятъ далеко за предѣлы того, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи записано и обнародовано (трудами Крейцвальда, Видемана и Гольцмайера). Въ составленіи моей колекціи принимало участіе болѣе пятисотъ лицъ, живущихъ среди народа, находящихся съ нимъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, раздѣляющихъ съ нимъ и горе и радость, проникающихъ въ родники внутренней жизни его, всесторонне знакомыхъ съ его нравами и случаями извращенія послѣднихъ. Вполнѣ понятно, что тысяча глазъ и тысяча ушей могли уловить и заимствовать гораздо болѣе, чѣмъ даже самое острое зрѣніе и самый тонкій слухъ отдѣльныхъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что обыкновенно такіе изслѣдователи, стоя въ нѣсколько чуждомъ отношеніи къ народу, по своему положенію и уровню своего образованія не могутъ наблюдать и даже узнавать многихъ моментовъ. Съ цѣлью же полученія возможно разнообразныхъ и всестороннихъ сообщеній, я давалъ моимъ сотрудникамъ по собиранію матеріала особое подробное наставленіе.

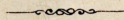
5.

Всѣ записки (наброски) моей колекціи написаны на эстонскомъ языкѣ и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, въ соотвѣтственныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Благодаря этому собранъ рѣдкій по своей цѣнности матеріалъ для обстоятельнаго изслѣдованія эстонскаго языка и главнымъ образомъ его нарѣчій. Такъ какъ письменные памятники угро-финскихъ языковъ, съ одной стороны очень малочисленны, съ другой—не особенно древняго происхожденія, то изученіе нарѣчій должно дополнить историческіе памятники языка, иногда даже совершенно замѣнить ихъ. Въ области историческаго развитія угро-финскихъ языковъ необходимо обстоятельное изученіе еще живыхъ нарѣчій, а для этой

цѣли мои колекціи представляютъ, относительно эстонскаго языка, очень богатый матеріалъ, изъ котораго грамматика и словарь могутъ почерпнуть для себя цѣнное обогащеніе и пополненіе. Всѣ прежніе изслѣдователи, между ними также Аренсъ и Видеманъ, обращали все свое вниманіе и направляли всѣ свои труды на изслѣдованіе, главнымъ образомъ, сѣверно-эстонскаго (*vilgo* ревелеско-эстонскаго), да и тутъ преимущественно средне-эстонскаго нарѣчія, тогда какъ южно-эстонскія нарѣчія — въ научномъ отношеніи по меньшей мѣрѣ столь-же важныя — подверглись только спорадической и незначительной разработкѣ. Собранные-же мною матеріалы имѣютъ отношеніе ко всей области эстонскаго языка и охватываютъ собою всѣ нарѣчія. Изъ личнаго общенія съ моимъ многуважаемымъ покойнымъ другомъ, академикомъ Ф. И. Видеманомъ, я хорошо знаю, что планомъ и намѣреніемъ этого многозаслуженнаго и отмѣннаго ученаго было подвергнуть также и эстонскія нарѣчія обстоятельному изслѣдованію и разработкѣ, но — преклонныя лѣта и воспослѣдовавшая смерть помѣшали выполненію этого намѣренія.

Сказаннаго будетъ достаточно для характеристики собраннаго мною матеріала касательно эстонскихъ народныхъ преданій со стороны ихъ содержанія и внутренней научной цѣнности. Владѣться спеціально въ отдѣльности — нѣтъ возможности въ краткомъ отчетѣ, какъ нѣтъ возможности дремучій лѣсъ заключить въ гербарій.

Примѣчаніе. Всѣ собранные мною матеріалы вмѣстѣ занимаютъ 3200 листовъ обыкновенной писчей бумаги и 1800 листовъ почтовой бумаги, или: 32 тома въ 4-ю долю листа и 9 томовъ въ 8-ю долю листа, считая на каждый томъ около 800 страницъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Апрѣль 1891 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ А. Штраухъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).